

Сергей Корниевский

Джули

«Какая же она красивая», – сказал я про себя, когда девушка подошла ко мне и протянула в приветствии худую руку. Я аккуратно взял тонкую кисть и посмотрел в карие глаза. Спустя секунду красотка потянула руку на себя, но я нахально зажал изящные пальцы и, прищурившись, глядя из-под лба, еле заметно улыбнулся. Она расслабила руку, на мгновение невольно обратила свой нежный взгляд на меня и тут же застенчиво опустила глаза. Похоже, мой спонтанный манифест был принят.

– Julie, have a seat at the table, – сказал ей спутник, сам сел за стол и начал рассматривать меню.

Джули была одета в аккуратное платьице из черного хлопка. Края его были из плотной черной материи, скрывающей нежную кожу ее бедер и талии. Центр платьица был наполовину прозрачен. Шелковый узор в виде нескольких цветков оголял кожу живота и пуп. Ее изумительно красивые ноги были открыты значительно выше колен, отчего, присаживаясь, она застенчиво придерживала нижний край юбки, стараясь скрыть от моих пытливых глаз цвет своего нижнего белья. По крайней мере мне так показалось.

Мы сели за стол. По правде говоря, я совершенно не ожидал, что в сопровождении моего потерпевшего иностранца будет столь очаровательная красотка. Эта находка с ног на голову переворачивала мой подход к решению проблемы и его конечные цели. Несмотря на внезапность открытия, как оказалось, я был недурно готов к нему и, похоже, это было именно то, в чем я нуждался в этот период своей бездарной жизни.

«Она еще совсем юная», – эта мысль по какой-то неясной причине совершенно ясно прозвучала у меня в голове, когда я снова взглянул на красотку. Вдруг я подумал о том, что острые черты ее овального лица правильной формы отражают молодость и изящество, которые по известным законам исчезают катастрофически, преступно быстро. Сам не знаю откуда взявшаяся эта мысль встревожила меня очень сильно. На мгновение я позабыл о том, для чего пришел в это место, и о том, что рядом с нами сидит ее французский кавалер, претендующий на должность сердцееда.

Я смотрел на безукоризненные губы Джули, на крошечную ямку, что появляется у нее на изящном подбородке, когда она произносит звук «и» и «э», и на маленькую родинку под правым глазом. На ее завораживающие волосы цвета русый омбре гуще дождевых лесов Амазонки и извилистей реки Новитна. До чего же они прекрасны! Оказывается, я никогда ранее не замечал красоты женских волос. Смотрел на ее дивный высокий лоб, на овальные карие глаза и тонкие брови, на ровный нос с горбинкой и большой рот, на безупречные скулы, на все совершенные части ее лица, расположенные в полной гармонии с законом золотого сечения и со всеми числами Фибоначчи.

Что чаще достается девушке: натуральные пухлые губы или натуральная большая грудь? Я видел: у нее было и то и другое. Я не философ и не мыслитель. Я – сын Шарикова. Периферийное одесское отродье, отброс целомудрия. При входе в этот ресторан я видел на барной стойке шесть двухлитровых бутылок кока-колы, между которыми стояла маленькая бутылочка минералки, и я знаю, какой сюжет скрыт в этой картине, хоть никогда не видел его своими глазами. Не вздумай искать ответ, дорогой читатель, если ты его не знаешь. Будь прокляты эти знания. Их никак не вывести из головы. Я чрезмерно испорченно циничен, но эта мудрая мысль о трагедии скоротечности женской красоты вдруг очень глубоко и нежно ранила мое порочное сердце. Я громко вздохнул и крепко сжал скулы. Я смотрел на Джули, восторгался и роптал в одно и то же время. Я спрашивал: почему же, Господи, миловидность так обманчива? Почему, Творец, красота так суетна? Почему же она является, как пар, на малое время и исчезает бесследно? Зачем же Ты, Всемогущий Создатель, дал сотни и тысячи лет жизни дивным горам и океанам,

но самому божественному Твоему творению, женской красоте, отделил всего лишь малые года? Зачем Ты подвергаешь нас этим мукам?

Я опустил взгляд и увидел ниже шеи, в том месте, где начиналась правая грудь Джули, небольшое пятнышко коричневого цвета, похожее на плоскую родинку, вокруг которой имелось белое пятно побольше. Родинка была похожа на нарисованный шариковой ручкой кружок на тетрадном листе, который кто-то долго пытался стереть резинкой для карандаша, отчего стерлась и побелела поверхность самого листа, а краска от ручки осталась. Точно как мои знания. Я рассматривал это совершенное тело и думал о том, как досадно она меняла свою молодость и красоту, которая продержится без ухода еще несколько лет, на французскую похлебку, которую обычно пьет пухлая жена где-нибудь в коммуне на периферии Лиона. Уже совсем скоро у нее начнут проявляться первые морщины, скорее всего около глаз и на лбу, потому как она активно щурится при смехе и долго хмурится, если что-то ей не по вкусу. Затем жизнь, не успев начаться, начнет обратный отчет. Спрос на увядающую красоту рухнет, и в итоге она окажется на месте пушкинской старухи. Спасибо вам, Александр Сергеевич, за этот образ. Я подумал о том, что взял бы ее себе в жены, но я не пушкинский старик. Я не способен на столь бескорыстную любовь, я – эгоист. Даже в этих трех предложениях я не смог воздержаться от того, чтоб не использовать слово «я» шесть раз. К тому же завтра дежурство, и есть несколько незакрытых ОРД в секретке.

Француз этот, как я смог разузнать до нашей встречи, работает у себя на родине спортивным агентом и однажды участвовал в большой сделке по переходу одного знаменитого футболиста из клуба в клуб. Это было самое большое его достижение в карьере. На родине он совершенно неизвестный человек, каких миллионы. Однако это не мешало тому, чтоб в Одессе он почитался звездой, всегда был в центре внимания: о нем шептались и говорили как об агенте и личном друге того самого знаменитого футболиста, которого он после сделки ни разу более не видел. Эти слухи вместе с его импозантным видом, длинными красивыми волосами, большим животом, рубашкой в клетку с элегантным шарфом и французской речью делали его здесь желанным гостем. Когда же мы перестанем быть столь провинциальными?

Не буду скрывать, я был зол на этого сладострастного «Депардье». Мне было досадно: почему рядовой француз, не отличившийся ничем в жизни, пользуется у нас такой большой популярностью, что даже такое совершенство, как Джули, готово отдаться ему только из-за того, что он иностранец? Не судите меня строго – я знаю, что неправ. Что рассуждаю как плебей с оттенком национализма, который терпеть не могу. Но я смотрел на Франка и думал: «Ведь ты же знаешь, подлец, что ты никчемный мужик, который у себя на родине не осмелился бы даже смотреть на Джули. Я знаю, что своей жене ты сказал, что едешь в командировку в Прованс для встречи с агентом, а сам приехал в Одессу для свиданий с молодыми девушками. Ну не сволочь ли ты, Франк?..». Нет, видимо, я неправ, я сильно перегнул. Нет, я точно неправ. Но что сказано – то сказано.

– Окей, – начал уверенно я, глядя в глаза красотке. – Расскажи еще раз, что там у вас произошло.

Пока я это спрашивал, француз взял Джули за шею, несколько раз аккуратно сжал ладонь и нежно провел рукой по ее спине. В моем сердце что-то больно кольнуло.

– Позавчера мы ехали с Крыжановки в гостиницу на Греческую. Мы с Франком вызвали такси, – сказав это, она на мгновение приостановилась и подняла бровки, как бы с удивлением вспомнив о произошедшем. – Мы сели на заднее сиденье. Когда мы выехали на Днепропетровскую и поднимались на подъем сразу за Крыжановкой, на дороге стоял какой-то мужик с пальцем вверх.

Сладкий тембр ее голоса – само совершенство звука. Он звучал нежно, уверенно и слегка грустно. Я желал слушать его еще и еще. Джули опять остановилась, подняла бровки выше и немного покачала головой, демонстрируя полное недоумение.

– И что ты думаешь? Наш водитель берет – и останавливается около этого мужика. А ничего, что мы уже сидим на заднем сиденье? Нет, таксиста это не останавливает. Пешеход, шатаясь, подходит к пассажирскому окну и еле произносит: «Братишка, до центра за двести подбросишь?». Наш водитель, недолго думая, отвечает: «Триста». Мы с Франком сидим в недоумении, а мне под землю хочется провалиться: какие у нас люди... И что, ты думаешь, происходит далее? – сказав это, красотка посмотрела мне прямо в глаза. – Услышав «триста», пешеход отвечает: «Да пошел ты...» – и шлет его на три буквы.

Джули рассмеялась, показав свои красивые белоснежные зубы. «До чего же прекрасная у нее улыбка», – подумал я и улыбнулся ей в ответ. Француз пригубил кофе и отвернулся к окну. Мне было совершенно наплевать, что мой взгляд на его спутницу может показаться слишком откровенным. Я любовался этой девушкой, всем ее ангельским видом и не мог вдоволь насладиться. Я не слушал ее историю, я слушал ее.

– Наш водитель, видимо, обиделся и, недолго думая, вышел из машины, пошел к пешеходу и начал с ним драться. Мы с Франком сидим на заднем сиденьи, шокированы происходящим. Около минуты они там валялись по земле, матерились и орали друг на друга. В итоге Франк вышел к ним разнимать. Пока он их разнимал, машина начала катиться вниз. Пока таксист и Франк заметили, что я качусь, я уже была где-то в ста метрах от них. Водитель давай бежать за мной, и орет: «Ручник, ручник, дура!». Франк бежит следом за ним, шарф по ветру болтается... Я смотрю на это и не могу сдержатъ смех. Кое-как я поняла, что надо делать, там же еще эта кнопка дурацкая на ручнике... Короче остановила машину. Они сели, пешеход остался валяться там на обочине. Пьяный, встать не может. А уже в гостинице Франк заметил, что у него пропал документ, и скорее всего, он выронил его, когда участвовал в той схватке.

Я продолжал смотреть на Джули и, словно под гипнозом, наслаждаться ее чарующим щебетанием. Ее глаза уже без смущения смотрели на меня.

– Я вряд ли смогу помочь найти документ. Он может быть уже в какой-нибудь мусорной урне, – сказал я лукаво, набивая себе цену.

– Нет, ты не понял. Он пошел, чтоб получить новый документ, что он здесь находится на законных основах, а ему сказали, что необходимо подтвердить эту историю, – надо справка с милиции.

Я отвечать не стал. В нашем разговоре возникла минутная пауза. Я пригубил заказанный Франком чай, стал что-то смотреть в телефоне. Красотка повернулась к французу и что-то говорила ему на английском. Я встал из-за стола и, приложив телефон к уху, вышел из помещения. Стоя на улице, я что-то говорил в телефон, размахивая в негодовании свободной рукой.

Когда я вернулся в кафе, Франк и Джули уже стояли около стола.

Француз что-то горячо говорил красотке, которая не менее пылко отвечала.

– В общем, видите ли, не выйдет вам получить такую справку, – произнес я, поочередно глядя на собеседников.

Они прекратили спор.

– He says, that we can't have this document, – неохотно перевела красотка.

– Why?

– Потому что Франк не был участником драки, – поняв вопрос без перевода, продолжил я. – Такую справку можно получить, если заявление о драке напишет ваш таксист. Но он это делать отказался.

– Because you were not a member of fight, – как смогла, перевела Джули.

– Bullshit. I just want to get a certificate. I have no claims nobody. I'm not looking for a justice. I just need a document from the police.

Пока француз говорил это, его пухлые щеки становились красными. Глаза глядели на меня и на красотку с негодованием.

– Говорит, что не ищет справедливости и не хочет никого наказывать. Ему просто нужна справка с милиции, – перевала Джули.

– Не получится, – ответил я, желая еще сильнее вывести его из равновесия.

– Why not? Have a taxi driver give a statement.

– Таксист ничего не напишет! – с раздражением отвечаю я.

– Why? – поднимает голову француз, и его красные щеки вибрируют.

– Это не по-пацански! – кричу я ему в лицо.

Француз смотрит на меня. В глазах непонимание. Джули стоит рядом, но совершенно отстранена. Мы с французом обходимся без нее. Она смотрит в сторону. По ней видно, что чувствует она себя крайне дискомфортно. Хочет уйти.

– Не по понятиям, – выражаюсь я точнее.

Глядя в глаза иностранцу, я пытаюсь агрессивным движением рук объяснить, что имею в виду. Франк поднимает свои руки ладонями вверх и машет ими, показывая, что не знает, о чем я говорю. Как объяснить иностранцу смысл слов «не по понятиям»?

– Зачем ты на него кричишь? – прерывает меня красотка. – Он не глухой, просто он не знает русский язык.

– Как будет на английском «это не по понятиям»? – спрашиваю ее в ответ в надежде найти нужные слова.

Красотка недолго думает, качает отрицательно головой и говорит, что не знает, как перевести эти слова, сохранив смысл.

Достаю из штанин телефон, ввожу в переводчик: «Это не по понятиям». Гугл мне выдает: «This is off the charts».

– Зис ис оф зе чартс, – произношу немного тише, стараясь округлять звуки в надежде, что это поможет ему понять смысл фразы.

Позже я попробовал обратный перевод и убедился, что эта фраза значит совершенно иное, что-то наподобие «из ряда вон выходящее». А пока Франк смотрел на меня ошарашенными глазами. Он практически плакал. Я одновременно понимал и ненавидел этого доброго француза. Его документ утерян в драке пьяного пешехода с водителем его такси, который отказывается писать заявление в полицию, потому что здесь это считается «из ряда вон выходящим». А представитель этой полиции кричит на него в присутствии дамы и официанта.

Около минуты мы стояли молча в совершенном недоумении, пялились по сторонам и почесывали голову. Как быть дальше? Франк успокоился первым. Он отошел в сторону и подозвал к себе Джули. Иностранец прижал ее к себе, стоя спиной ко мне, передал что-то в руки красотки и прошептал пару слов на ухо. Затем Франк загладил рукой свои красивые волосы назад, поправил шарф и, не посмотрев на меня, вышел на улицу.

Когда иностранец покинул помещение, красотка уверенным шагом подошла ко мне и сунула что-то шелестящее мне в руку. Я обратил внимание, что по пути в мою сторону она, суетясь руками за спиной, что-то отделила из одной руки в другую и сунула себе в карман. Я решил не придавать этому значения: здесь мы с ней союзники. Я отошел в сторону и, не опуская голову, решив, что Франк следит за мной через окно, осмотрел содержимое руки. Там было несколько банкнот, среди которых я разобрал сто-, двадцати- и пару пятидолларовых купюр.

Дело было сделано. Красотка посмотрела на меня, еле заметно улыбнулась и посмотрела на Франка, который курил на улице. Мне хотелось прижать ее к себе и поцеловать в губы. Но вместо этого я прикоснулся согнутым указательным пальцем

к ее изящному подбородку и слегка приподнял голову вверх. Наши взгляды встретились, и я почувствовал жгучую боль, что совершенно не способен ее спасти. Я – ловец собственной тени. Она – кипящая лава, что, добравшись до подножия горы, остынет. Ремарк сказал, что страшно любить женщину и быть бедным. Я утверждаю, что страшно любить женщину и иметь четырнадцать незакрытых ОРД. Она и я никогда не будем принадлежать друг другу. У меня всего одна пара глаз. У нее всего одна родинка на груди.

– Скажи ему, что он получит свою справку, – сказал я и отправил красотку к иностранцу.

Я вышел из кафе и, пройдя мимо Франка, направился вдоль Дерибасовской в сторону Екатерининской. Завернув за угол, я дошел до Греческой и свернул в сторону Приморского райотдела. Я не был уверен, что француз знает, где здесь находится ближайший отдел милиции, но решил довести свой спектакль до логичного завершения.

Рассматривая фасады зданий, я простоял за углом несколько минут. Распечатав справку в дежурной части Приморского, я направился обратно к дому Фраполли.

Франк и Джули стояли там. Я подошел к французу и ткнул ему спрятанный в файл документ, все это время лежавший в моей сумке. Он взял его и, сжав губы, посмотрел мне в лицо. Он все понимал. Какая сила заставляла меня действовать так цинично? Я не знаю. Думаю, что-то нечистое. Глядя в его озабоченное и брезгливое по отношению ко мне лицо, я чувствовал желчное удовлетворение. Мне казалось, что я защитил честь своего города и самой красивой девушки на планете. Я понимал, что это не так. Я ничего не защитил. Она не была самой красивой.

Франк ушел. Уже был вечер. Я взял Джули за руку и повел за собой. Мы прошли по Пушкинской и выпили кофе в «Пассаже». Она рассказала мне, как ее пригласили в модельное агентство, как в долг сделала портфолио и, чтоб она могла погасить задолженность, ей дали номер француз. «У тебя с ним что-то было?» – ревниво спросил. «Нет», – ответила красотка и взяла меня за локоть. Мы вернулись на Екатерининскую. Я открыл ей дверь в «Амстердам» и зашел следом. Этот вечер мы провели вдвоем.